

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает Однажды...»

Я родилась в семье, состоящей только из женщин. Дедушка умер еще до моего рождения, отца я не знала. Мою маму бабушка всегда называла непутевой, но для меня она всегда оставалась самым близким и любимым человеком, ей просто не повезло в любви, о которой она мечтала всю жизнь. Первый роман мамы случился после окончания восьмилетки. Её избранником, приоткрывшим дверь во взрослую жизнь, был выпускник нашей школы. Вскоре после первой близости молодой пылкий возлюбленный сообщил о переезде его семьи в соседний большой город и без лишних разговоров прекратил всякое общение. При поступлении в кулинарный техникум мама встретила солдата-срочника, который после получения высшего образования проходил военную службу в нашем небольшом городке. Опытный выпускник педагогического института быстро вскружил голову жительнице периферии, но связывать свою жизнь с ней не захотел. Даже беременность соблазненной особы не пробудила в мужчине желание создать семью. Мама опасалась говорить о своем особом положении суровой и деспотичной бабушке, но округлившийся живот выдал эту тайну.

Бабушка попыталась найти возможность избавиться от нежелательной беременности мамы, но попытки оказались тщетными. В положенное время на свет появилась я, получив имя Валерия в честь певца Валерия Леонтьева, который, по мнению мамы, лучше всех пел о любви. С рождения меня окружали песни в исполнении этого артиста. Его пластинки мама слушала каждый день. Бабушка ругалась с ней, требовала не увлекаться музыкой, а заниматься образованием и собственной дочерью, но как только мама прекратила кормить меня грудью, снова занялась поиском женского счастья.

Когда я была совсем маленькой, бабушка надеялась вразумить неугомонную искательницу приключений, но когда мама ушла жить к очередному любовнику, успокоилась и поняла, что одна будет заниматься моим воспитанием. «Кукушка», так бабушка называла маму, иногда приходила к нам в гости, дарила подарки, приходила на утренники, но никогда не предлагала забрать меня с собой. При встрече бабушка с мамой громко ругались, обзывали друг друга неприятными словами, выкрикивали взаимные упреки и претензии. Меня огорчали эти скандалы, но я всё равно скучала по маме, радовалась любому вниманию, ждала встречи. Для того чтобы она любила меня

крепче, я решила записаться в музыкальную школу – хотела научиться играть и петь любимую песню мамы «Дельтаплан». В то время эта мелодия звучала во всех дворах нашего городка. Я была уверена, что мой сюрприз ей будет по душе.

Когда мне исполнилось десять лет, я вживую увидела певца, полюбившегося маме. Худощавый высокий мужчина с огромной копной кудрявых волос вовсе не впечатлил меня. На экране телевизора он пел хит «Дельтаплан» в белом костюме тройка, немного нервно подпрыгивал ногой и не был похож на мужчину, в которого можно было влюбиться без памяти. В тот год на экраны советского телевидения вышел английский сериал «Джейн Эйр», в главной роли – умопомрачительный Тимоти Далтон. Импозантный красавец с приятным бархатистым голосом в роли мистера Рочестера мне нравился больше, чем долговязый певец, без песен которого мама не могла жить. Но для исполнения сюрприза я должна была стать скрипачкой, поскольку мелодия «Дельтаплана» была исполнена симфоническим оркестром, где скрипки заливисто играли соло...

Услышав мои планы, бабушка стала возмущаться. Занятие музыкой она считала несерьезным, стала кричать на меня, что не потерпит в доме еще одну профурсетку. Значения этого слова я не понимала и уверяла, что хочу быть исключительно скрипачкой. Несколько дней бабушка требовала отказаться от этой затеи, но смягчилась после встречи с директором музыкальной школы. С ней бабушка поделилась своими переживаниями, но пожилая женщина рассказала, что в её учреждении учатся только талантливые дети, которые не увлекаются дешевой попсой, а служат традициям классической культуры. Директриса убедила бабулю привести меня на собеседование, чтобы проверить наличие слуха. Через несколько дней бабушка сдалась и сама отвела меня в музыкальную школу.

Небольшое старенькое здание храма для музыкантов стояло на окраине города, внутри оно было очень уютным и светлым, правда, повсюду пахло краской. Жуткий аромат нитроэмали щипал глаза. Бабушка, увидев мое сморщенное лицо и слезы, выступающие из глаз, предложила вернуться домой, но я должна была пройти собеседование, чтобы узнать, по плечу мне занятие музыкой или нет. Пройдя по небольшому коридору, мы попали в кабинет директора. Пожилая женщина стала извиняться за вонь, о которой сама не подозревала, когда начинала ремонт в здании. Она предложила подняться в актовый зал на втором этаже, в котором покрашенные стены уже высохли и не источали этот мерзкий запах.

Пожилую женщину звали Елизавета Матвеевна. В молодости она была учителем пения в

общеобразовательной школе и несколько лет добивалась открытия дома для начинающих музыкантов. В городке она пользовалась уважением, но у всех вызывало недоумение её одиночество. Даже сейчас, обладая седыми волосами и тронутым глубокими морщинами лицом, в ней угадывалась былая привлекательность и красота, но никто и никогда не видел с ней рядом хоть какого-нибудь мужчину.

Мы поднялись на второй этаж, зашли в актовый зал и расположились в первом ряду зрительного зала. Елизавета Матвеевна пристально посмотрела на меня и спросила, почему я хочу заниматься музыкой. Я взволнованно помяла носовой платочек в своих руках и затараторила про сюрприз для мамы. Женщина вопросительно посмотрела на бабушку, та только растерянно пожала плечами. Елизавета Матвеевна перебила меня и сказала, что музыка – это не развлечение, созданное для одной песни, это часть жизни. Ею нельзя заняться на один раз, прикоснувшись к музыке, каждый обязан упорно трудиться и стремиться стать настоящим виртуозом. «Ты поняла меня?» – сурово спросила директорша. Я утвердительно закивала головой. Потом Елизавета Матвеевна подошла к роялю и предложила мне повторить звуки, которые пальцами настучала на его крышке. Я без труда повторила услышанное и сказала, что звуки мне напомнили композицию, которую включали несколько раз по радио. Елизавета Матвеевна одобрительно улыбнулась, немного поиграла на рояле, послушала, как я пою, и приняла решение записать меня в музыкальную школу. Я прыгала от радости, но когда услышала, что в школе нет учителя по классу скрипки, немного скисла. Директорша, увидев мою реакцию, предложила не расстраиваться и с легким сердцем с 1 сентября отправиться к чудесному преподавателю классической гитары.

Всё лето во дворе я хвасталась всем, что поступила в музыкальную школу. Мама, услышав о моих успехах, была на седьмом небе от счастья. Она получила комнату в общежитии от совхоза, где работала в полеводческой бригаде, снова была в поисках настоящей вечной любви, однако про совместное проживание разговор так и не заводила.

Когда из-за первых заморозков пожелтели листочки берез, я отправилась в музыкальную школу, чтобы погрузиться в мир музыки и гармонии. Меня встретила учительница по имени Светлана Георгиевна. Она была замужней женщиной, старше мамы лет на пятнадцать. Её единственный сын учился в институте в большом городе и только в летние каникулы приезжал навестить родителей. Супруг Светланы Георгиевны работал дальнбойщиком и редко появлялся дома, поэтому вся жизнь моей учительницы была посвящена музыкальной школе, в которой она трудилась около десяти лет.

После нашего знакомства Светлана Георгиевна объяснила, что много лет играла на домре и прививала детям любовь к этому инструменту. Со временем домру стали считать старомодной, все непременно хотели брынькать на гитаре. Тогда Светлана Георгиевна самостоятельно переучилась на гитаристку и смогла сохранить место в музыкальной школе, набирая на свои занятия определенное количество детей, необходимое для полноценной работы. Я рассказала о своей мечте сделать маме сюрприз, но учительница объяснила, что сначала будет учить меня нотам, потом включит в мою программу музыкально-теоретическую дисциплину, развивающую музыкальный слух, а также обучит упражнениям для голоса, которые я должна буду исполнять без слов.

Начиная этот путь, я даже не подозревала, как сложно будет преодолевать все испытания на его поворотах. Для извлечения звуков из этого, обыкновенного на первый взгляд, инструмента, несколько месяцев Светлана Георгиевна ставила мне руку. Ногти левой руки нужно было состричь почти под корень и на грифе гитары тренироваться до тех пор, пока на их подушечках не появятся характерные мозоли. Ногти правой руки мне было разрешено не трогать до появления длины, необходимой для правильного звука. Классический инструмент не позволял «заваливаться» на гриф или «прилипнуть» к струнам, поэтому после занятий кисти обеих рук ныли, словно я стирала постельное белье вручную.

После того как моя посадка и умение правильно держать инструмент была оценена Светланой Георгиевной на твердую тройку, мы перешли к новым «мукам» – изучению нотного стана, размера звуков и прочей малоинтересной ерунды. Целый год я нудила считалочки с обратным строем «до-ре-ми-фа-соль-ля-си», играла скучные элементы русских романсов, ходила на противное непонятное сольфеджио и после окончания первого года обучения поняла, что к подготовке сюрприза для мамы не приблизилась ни на шаг.

За этот год шлагеры стали другими, но мама по-прежнему обожала творчество Валерия Леонтьева, поэтому я не теряла надежду когда-нибудь угодить ей. После окончания второго года обучения я имела право выбрать композицию для отчетного концерта. Чтобы освоить бардовскую игру на гитаре, я стала брать уроки у соседского мальчишки, но чем больше я погружалась в знания о нескольких ладах, связанных с песнями во дворах, тем больше понимала, что бесповоротно влюблена в классический инструмент, который создан без слов говорить о состоянии души человека.

Когда мне было особенно грустно, я любила играть композиции итальянских

музыкантов, в минуты веселья – обожала испанских мастеров, но никогда не любила композиторов, которые писали музыку в русском стиле. За годы преподавания классической гитары Светлана Георгиевна этот инструмент так и не полюбила, всё время просила вместе разучить русский романс в два инструмента. Свою партию она хотела исполнить на домре. Весь следующий год она уговаривала меня сделать ей этот подарок. После окончания третьего класса гитары на отчетном концерте мы вместе сыграли русских романс «Я встретил вас». Домра исполняла соло, гитара – аккомпанемент. Наш дуэт вызвал невероятные овации в зале. Я видела, как моя учительница была счастлива, что, безусловно, радовало мою душу. Но отсутствие мамы на концерте омрачило это триумф...

Она увлеклась новым кавалером, с которым стала частенько выпивать. Мама перестала ухаживать за собой, её былая привлекательность начала увядать. Бесконечные «пьяные» слезы при встрече меня начали раздражать. Вскоре «кукушка» вовсе забыла дорогу к нашему с бабушкой дому. Я несколько раз пыталась разучить песню «Дельтаплан», но после окончания четвертого класса гитары, когда мне исполнилось четырнадцать лет, поняла, что этот сюрприз никому больше не был нужен, хотя чарующие звуки скрипки этой музыки всё еще волновали мою душу.

Бабушка не особо радовалась моим успехам, мама была занята личной жизнью. Единственным человеком, который гордился мной, была Светлана Георгиевна. Она видела во мне талантливую ученицу и мечтала, чтобы я стала дипломированным музыкантом. Но перспектива получить высшее образование, чтобы вернуться в наш городок для работы в музыкальной школе, меня пугала. Чем старше я становилась, тем отчетливее понимала, что для звезды первой величины у меня не хватает таланта, а всю жизнь учить детей, будучи подмастерьем, я не хотела. Целый год перед окончанием девятого класса общеобразовательной школы я готовила Светлану Георгиевну к тому, что музыка в моей жизни останется только хобби, но моя преподавательница до последнего дня обучения не хотела верить моим словам. Она убеждала меня, что талант – это девяносто процентов труда и лишь десять везенья, говорила, будто не встречала таких целеустремленных людей, как я, просила увлечься русскими классическими романсами, способными покорить любую сцену. Чтобы не обижать свою учительницу, я говорила, что подумаю над её словами. После окончания музыкальной школы, пока получала полное среднее образование, ходила на все отчетные концерты учеников Светланы Георгиевны, иногда сама принимала в них участие. Встречалась с её новыми учениками и, видя на себе их восторженные взгляды, понимала, что обо мне здесь слагаются легенды.

Но после окончания одиннадцатого класса расставание с музыкальной школой стало неизбежным. Бабушка поддержала мои здравые доводы о будущей профессии и

согласилась на поступление в технический институт на экономическое отделение большого города нашего района. Перед отъездом я хотела попрощаться с мамой, но дверь её комнаты мне никто не открыл. По характерному грохоту я поняла, что она была дома, но пьяный угар не позволил ей добраться до двери. Я грустно вздохнула и отправилась сдавать экзамены в институт.

Успешно пройдя вступительные испытания, я была зачислена на желаемый курс. Бабушка не хотела селить меня в общежитие, поэтому сняла комнату в квартире одинокой женщины, которая жила напротив института. Так началась моя новая жизнь без музыки, наполненная точными науками и новыми людьми.

Через несколько месяцев от тоски и одиночества я поняла, что совершила ошибку, и стала искать в этом городе институт культуры. Как только план по переводу с одного вуза в другой был готов, я собралась с силами, чтобы сообщить бабушке о своём решении. Обычно мы созванивались на выходных, но неожиданно в середине недели раздался звонок от бабушки. Мне хотелось первой огоршить её своим решением, но я не успела. В трубке я услышала сухие слова: «Лера, твоя непутевая мать умерла...»

(Продолжение следует)

Ариша ЗИМА